

Глава II

ПЛЕХАНОВСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

На Западе до сих пор находятся историки, с самым серьезным видом утверждающие, что в 1905—1907 гг. в России была не революция в марксистском понимании этого слова, а некая «революция слаборазвитого типа», стихийный, хаотический и, в сущности говоря, безрезультатный «бунт», в ходе которого крестьяне и урбанизированные экс-крестьяне — рабочие выступали против привилегированной элиты и потрясенного неудачной войной с Японией царского абсолютизма¹.

В действительности же в 1905 г. в России начался закономерный, обусловленный всем ходом предшествующего социально-политического развития страны общественный переворот, который, несмотря на временное поражение народа, до основания потряс вековые устои самодержавия.

Революция 1905—1907 гг. в России значительно отличалась от буржуазных революций XVII—XIX вв. на Западе и по сложности стоявших перед ней задач, и по расстановке классовых сил, и по степени влияния на окружающий мир, и по перспективам своего дальнейшего развития. Решая еще задачи радикального обновления общественно-политической системы *в рамках капитализма* и оставаясь в этом смысле буржуазной, первая российская революция была, однако, во всех отношениях буржуазной революцией *новой исторической эпохи*, революцией *нового типа*. Рабоче-крестьянская по своим движущим силам, пролетарская — по ведущей роли рабочего класса и характерным для него методам борьбы, она была подлинно демократической, глубоко *народной* революцией, всколыхнувшей не только огромную много-

¹ Кеер J. L. H. The Rise of Social Democracy in Russia. Oxford, 1963, p. 150, 299, 300. Подробнее об антимарксистских концепциях революции 1905—1907 гг. в России см.: Зырянов П. Н., Шелохаев В. В. Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии, М., 1976.

национальную Россию, но практически и весь капиталистический мир, включая значительную часть его колониальной периферии.

Это была революция, происходившая в начале XX в. в самой большой и сложной по своей общественно-политической структуре стране тогдашнего мира, стоявшей географически, исторически и экономически на рубеже между Западом и Востоком, Европой и Азией, в стране, запоздавшей в силу целого ряда объективных причин в своем развитии и особенно предрасположенной к бурным и динамичным скачкам вперед, немыслимым в других исторических условиях.

Еще в середине XIX в. в России назрел глубокий конфликт между производительными силами и производственными отношениями, между растущим капиталистическим укладом и старой феодальной надстройкой. Однако отсутствие в стране передового класса, способного пробудить народы России к борьбе за свержение старого строя, а также имевшиеся еще у самодержавия возможности известного приспособления к новым, буржуазным отношениям не позволили революционной ситуации конца 50-х — начала 60-х годов XIX в. вылиться в революцию. Кризис закончился своеобразной «революцией сверху» — крестьянской реформой 1861 г. и последовавшими за ней верхушечными буржуазными преобразованиями 60—70-х годов. Частично они разрешили противоречие между потребностями капиталистического развития страны и феодальным порядком, но сделали это очень неполно, однобоко, в корыстных интересах помещиков и абсолютистского государства. Запас «прочности», созданный реформой в 1861 г. для романовской монархии, оказался очень невелик. Его не хватило даже на полвека.

В начале нашего столетия Россия была среднеразвитой аграрно-индустриальной страной, одновременно с ведущими западными державами вступившей в высшую, империалистическую стадию капитализма². За 40 лет, отделяющих реформу 1861 г. от первой российской революции, в стране прочно утвердился капиталистиче-

ский способ производства. Россия завершила промышленный переворот и сделала крупный скачок вперед в своем индустриальном развитии. По объему промышленного производства она уступала в начале XX в. лишь США, Англии, Германии и Франции, причем по ряду показателей русская промышленность опережала французскую. Российский капитализм имел возможность использовать многие технические достижения Запада, перенимать передовые для того времени формы организации производства, в широких размерах привлекать иностранный капитал.

Разумеется, это не снимало вопроса об экономической отсталости России по сравнению с другими великими державами, что имело ряд важных и далеко идущих последствий: ослабление позиций самодержавия на международной арене, усиление его зависимости от иностранного капитала, прогрессирующее обнищание трудящихся масс, являвшееся объективной основой их быстрого революционизирования. Российский капитализм быстро рос и «снизу», и «сверху», однако на пути капиталистического прогресса стояли значительные пережитки крепостничества, главными из которых были помещичье землевладение и самодержавный строй. Налицо было углублявшееся противоречие между самым передовым промышленным и финансовым капитализмом в городе и самой «дикой», по выражению Ленина, деревней — противоречие, которое могло глубже всего объяснить происхождение и характер революции 1905—1907 гг.

В начале XX в. Россия стояла на пороге социального переворота, призванного решить сложнейшие экономические и политические задачи, оставшиеся нерешенными в 1861 г. и усложненные новыми противоречиями, порожденными уже самим капитализмом. В стране сохранялась монополия дворянства на лучшие пахотные земли и угодья, а также весьма значительный элемент крепостнического, внеэкономического принуждения в способе эксплуатации крестьян («отработочная система»). Здесь были очень сильны наиболее грубые формы эксплуатации наемного труда и отсталые методы организации производства, особенно на окраинах страны.

² В этой связи нельзя не упомянуть, что некоторые буржуазные историки до сих пор характеризуют российскую экономику на рубеже XIX и XX вв. как «переходную, феодально-капиталистическую систему» (Politische Theorien und Ideologien. Baden-Baden, 1975, S. 265).

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 417. Подробнее см.: Бояркин В. П. Генеральная репетиция Великого Октября. — Коммунист, 1975, № 18, с. 74, 75.

В то же время в России бурно росло противоречие между трудом и капиталом, между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения.

С другой стороны, с каждым годом делалось все более вопиющим несоответствие между капиталистической в целом экономикой страны и феодальной по своей природе, хотя и пытавшейся учитывать интересы буржуазии, самодержавно-абсолютистской надстройкой, лишавшей народ самых необходимых демократических прав и свобод. Много «горючего материала» накопилось и на национальных окраинах Российской империи, где царизм проводил политику грубого великодержавного шовинизма. Таким образом, в России были представлены «все ступени социального развития, начиная от первобытной общины и кончая современной крупной промышленностью и финансовой верхушкой»⁴, все основные типы противоречий империалистической эпохи. Более того, в начале XX в. Россия стала узловым пунктом этих противоречий, наиболее уязвимым звеном мировой капиталистической системы.

Очень характерно при этом, что если даже такого опытного вождя германского пролетариата, как А. Бебель, «смущали» преобладание в России крестьянского населения, огромная территория страны, разноликость социальной структуры и обилие населяющих ее народов и рас⁵, то для большевиков, Ленина указанные факторы говорили скорее о силе, чем о слабости начавшейся здесь в 1905 г. народной революции, соединившей в своем могучем потоке протест всех социальных слоев и национальных групп, борьбу за ближайшие, буржуазно-демократические цели и более отдаленные социалистические идеалы. Бесспорно, «азиатски девственный», по выражению Ленина, царский режим⁶, не привыкший идти на уступки народу, антиреволюционность русской

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 36, с. 263.

⁵ Adler V. Briefwechsel mit A. Bebel und K. Kautsky. Wien, 1954, S. 468. Плеханов также предупреждал, что революция в России будет носить длительный, затяжной характер, поскольку здесь «завязаны в один узел» многие вопросы, которые Европа решала по очереди. См.: Ленинский сборник XXVI, с. 253; Юг, Ницца, 1913, № 1.

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 381.

буржуазии, сравнительная малочисленность индустриального пролетариата, распыленность и политическая неразвитость крестьянства не могли не затруднять поступательного движения российской революции. Вдобавок история поставила ее в крайне жесткие (в смысле темпов и сроков) условия, выдвинув вполне реальную альтернативу: либо рабочий класс, увлекая за собой крестьянство, силой свалит царизм, либо «Россию ждет... долгое, мучительное падение и разложение...»⁷. Однако невиданная прежде острота социальных, политических и национальных противоречий, страшная нищета трудящихся, их поистине беспредельная ненависть к существующему строю говорили за то, что революционный взрыв здесь примет грандиозные масштабы.

Принципиально изменилось к 1905 г. и положение с субъективным фактором революции — способностью передового класса на сознательные революционные действия, достаточно сильные для того, чтобы свергнуть старый и упрочить новый общественный строй⁸. Зрелость субъективных условий революции зависит, как известно, от целого ряда моментов: уровня сознательности и организованности передового класса, важнейшим показателем которых является наличие у него революционной партии, вооруженной передовой общественной теорией; прочности связей этого класса и его партии с другими прогрессивными общественными силами внутри страны и на международной арене; накопленного к началу революционного переворота опыта борьбы со старым порядком; силы и зрелости революционно-демократических традиций народных масс и т. д.

Как же обстояло дело с этими факторами в России накануне первой в ее истории революции? Буржуазия, сделавшая во второй половине XIX в. важный шаг в направлении к своей социальной консолидации, оставалась тем не менее достаточно рыхлым и политически безвольным классом, совершенно неспособным на руководство народной революцией против самодержавного строя. Зато на арене общественной борьбы появилась в это время новая мощная сила, антипод буржуазии — пролетариат, больше всех заинтересованный в решительной ликвидации всех пережитков феодализма, без

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 313.

⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 219.

чего невозможна была дальнейшая борьба за социализм. Этот класс обладал всеми данными, необходимыми для того, чтобы стать во главе революционного народа: он был связан с наиболее передовыми формами крупного капиталистического производства, имел высокий уровень концентрации, обогнал остальные классы общества по своей организованности и сплоченности, имел прочные связи с другими отрядами трудящихся и, наконец, сумел создать свой политический авангард в лице революционной марксистской партии нового типа во главе с Лениным. Ленинская партия стала живым воплощением соединения научного социализма с массовым рабочим движением, подлинным вождем всех трудящихся и эксплуатируемых. При этом уже в начале XX в. большевики, по словам Ленина, стремились «гораздо дальше самого далекого конца демократической революции»⁹, рассматривая каждый свой шаг в борьбе за демократию с точки зрения социалистической перспективы пролетарского движения.

Значительно возросли в период империализма революционная активность крестьянства — этого главного союзника пролетариата в борьбе с самодержавием, а также революционные силы других демократических слоев населения страны.

В результате создалась внешне парадоксальная, но вполне закономерная ситуация, когда движущие силы революции 1905—1907 гг. в России не совпадали с ее объективным содержанием. Это была буржуазная революция в стране с неревolutionционной буржуазией, революция, которая не могла победить под знаменем буржуазно-либерализма и, будучи доведена до своего логического конца, не могла завершиться установлением стабильного и длительного политического господства класса капиталистов. Ее гегемоном выступал рабочий класс, стремившийся к победе для того, чтобы скорее выйти за пределы капитализма, а не для того, чтобы веками прозябать в капиталистической кабале¹⁰. И это было противоречие реальной действительности, противоречие самой жизни.

⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 115.

¹⁰ Ульяновский Р. А. О некоторых вопросах марксистско-ленинской теории революционного процесса. — Новая и новейшая история, 1976, № 4, с. 67, 68.

Буржуазно-демократическая революция нового типа несла в себе не только мощный антифеодальный, но и определенный антиимпериалистический заряд, расплывавая всю мировую систему капитализма и подготавливая ее общий кризис. В случае успеха она могла стать *непрерывной народной революцией*, перерастающей через ряд переходных ступеней¹¹ в социалистическую революцию и превращающейся в опорный пункт мировой пролетарской революции.

Бесспорно, никто не мог заранее точно предсказать, завершится ли революция в России победой народа и установлением демократической республики или остановится на полпути и приведет лишь к частичной «модернизации» самодержавного строя. Однако было совершенно очевидно, что она представляет собой глубоко народную, подлинно демократическую революцию, в которой «масса народа, большинство его, самые глубокие общественные „низы“, задавленные гнетом и эксплуатацией, поднимались самостоятельно, наложили на весь ход революции отпечаток *своих* требований, *своих* попыток по своему построить новое общество, на место разрушаемого старого»¹². А это означало, что руководить такой революцией по рецептам XVIII—XIX вв., как предлагали меньшевики, было уже невозможно.

Однако осмыслить своеобразие российской революции, ее масштабы и всемирно-историческое значение по горячим следам событий было совсем не так просто, как может показаться в наши дни. Достаточно сказать, что к 1905 г. у марксистов не было еще вполне сформировавшихся, четких представлений об империализме как высшей стадии капитализма, о новой исторической эпохе и новом типе демократической революции. В процессе становления находилось учение о гегемонии пролетариата в революционной борьбе, о союзе рабочего класса и крестьянства, о соединении различных потоков народного движения за демократию и социализм. Многие из того, что гениально предсказали в свое время Маркс и Энгельс, было предано забвению оппортунистами II Интернационала, и потребовались колоссальные усилия Ленина, а также лучших представителей левого крыла европейского социализма, чтобы привести марксистскую

¹¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 44.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 39.

теорию в соответствие с теми новыми условиями, в которых предстояло развиваться революционной борьбе пролетариата в XX в.

Ленин и Плеханов олицетворяли собой два различных этапа в развитии марксистской теории: Ленин — творческий революционный марксизм XX в., Плеханов — разьедаемый ржавчиной оппортунизма догматический марксизм II Интернационала. Это коренное различие проявилось и в их подходе к оценке революции 1905—1907 гг. И если Ленин анализировал революционный процесс в России с позиций нового, XX в., то Плеханов, образно говоря, смотрел на него «из прошлого», оказавшись органически неспособным увидеть то, что принесла с собой новая историческая эпоха.

Плехановская концепция русской революции складывалась на протяжении 30 с лишним лет, и в ней нетрудно увидеть различные «пласты» — следы крутых идейных поворотов, сопровождающих обычно крутые повороты истории. Она включает в себя общую оценку социально-экономического и политического строя предреволюционной России, вытекающую отсюда схему расстановки классовых сил, представление об основных этапах революционного процесса и прогнозы относительно перспектив его дальнейшего развития. В настоящей главе мы ограничимся рассмотрением в основном лишь первого аспекта этой большой и сложной проблемы — взглядов Плеханова на предпосылки и задачи демократической революции в России.

Как известно, еще в начале 80-х годов XIX в. Плеханов в борьбе с народничеством решительно и бескомпромиссно снял вопрос о возможности непосредственно соединить в России борьбу за свержение самодержавия и борьбу за социализм и выделил два самостоятельных этапа российской революции: демократический и социалистический¹³. Первый из них должен был завершиться установлением в России власти буржуазии, а второй — диктатуры пролетариата.

Для Плеханова-марксиста уже не существовало столь волновавшего народников вопроса о «судьбах капитализма» в России. Капитализм был для него объективной реальностью, исходя из которой революционеры и должны были отныне строить свою программу, страте-

¹³ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. М., 1956, т. 1, с. 110.

гию и тактику. Именно так был поставлен Плехановым вопрос в «Наших разногласиях» (1884) и в целом ряде последующих работ¹⁴.

Этот вывод Плеханова имел важное значение для нарождавшегося социал-демократического движения в России и был положен в основу последующих теоретических работ Ленина. Сразу же оговоримся, что после 80-х годов Плеханов уже никогда глубоко не занимался экономическими проблемами российского капитализма и имел о нем лишь самые общие, суммарные представления. В лице Ленина российская социал-демократия, наоборот, нашла не только блестящего политика, но и крупнейшего ученого-экономиста, давшего непревзойденное по своей глубине, тщательности и научной добросовестности исследование процесса развития капитализма в России в конце XIX — начале XX в.

Еще не так давно в советской историко-экономической литературе шел спор о том, недооценивал или переоценивал Плеханов уровень капиталистического развития России, преуменьшал или, наоборот, преувеличивал степень живучести феодальных пережитков¹⁵. Нам представляется, что совокупность взглядов Плеханова на экономическое развитие пореформенной России

¹⁴ Там же, с. 288, 289; Плеханов Г. В. Соч., т. 3, с. 240.

¹⁵ В конце 30-х годов экономист И. М. Бровер высказал мнение, что Плеханов одновременно недооценивал и живучесть пережитков крепостничества в экономике российской деревни, и степень распространения низших форм капитализма, а также разного рода переходных отношений от феодализма к капитализму (см.: Бровер И. М. О некоторых теоретических корнях разногласий между большевиками и меньшевиками (Ленин и Плеханов о развитии капитализма в России). — Историк-марксист, 1939, кн. 2, с. 73—76). Эту же точку зрения он повторил и в своей более поздней книге «Экономические взгляды Плеханова» (М., 1960). Философ В. А. Фомина придерживалась той точки зрения, что Плеханов преувеличивал роль буржуазных отношений в экономическом и политическом строе пореформенной России (см.: Фомина В. А. Философские взгляды Г. В. Плеханова. М., 1955, с. 92). В. Е. Козак, напротив, подчеркивает другую сторону взглядов Плеханова — недооценку уровня развития крупного капиталистического производства, а также остроты противоречий, порожденных капитализмом (см.: Козак В. Е. Г. В. Плеханов о развитии промышленного капитализма и положении пролетариата в России. Киев, 1964, с. 26, 44). Наконец, Ф. Я. Полянский считает, что Плеханов недооценивал и пережитки феодализма, и степень развития капитализма в России (см.: Полянский Ф. Я. Плеханов и русская экономическая мысль. М., 1965, с. 272, 273).

позволяет видеть в его концепции, с одной стороны, недооценку живучести крепостнических пережитков, а с другой — недооценку зрелости капитализма и остроты порожденного им конфликта между трудом и капиталом.

Плеханов довольно узко трактовал само понятие «пережитки крепостничества», понимая под ними в основном явления чисто юридического порядка. Ленин писал, характеризуя второй проект программы РСДРП, подготовленный Плехановым, что его автор, очевидно, считает понятие «крепостничество» применимым только к правовому строю¹⁶. И действительно, Плеханов сводил остатки крепостничества в пореформенной России в основном к фискальной зависимости бывших помещичьих крестьян от государства, к подновленному «государственному крепостничеству» (термин «феодализм» применительно к России Плеханов вообще не употреблял), в основе которого, по его мнению, лежала утвердившаяся еще при Иване Грозном верховная собственность государства на крестьянские надельные земли¹⁷. Экономическую основу самодержавия Плеханов ошибочно видел не в помещичьем, а в общинном землевладении, разрушение которого и составляло, по его представлению, залог торжества демократических порядков в России¹⁸. Что касается главных пережитков феодализма в деревне — мощного помещичьего землевладения, страшно запутанной средневековой системы крестьянского землепользования и сильного внеэкономического элемента в «отработках», которыми в значительной степени держалось помещичье хозяйство в центральных районах России, то все эти явления оставались у Плеханова как бы в тени. А это имело самый непосредственный «выход» в политику в виде недооценки остроты антагонизма между крестьянином и помещиком и неправильного представ-

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 233.

¹⁷ Плеханов Г. В. Соч., т. 3, с. 346, 347, 358—360; т. 12, с. 408, 409; т. 15, с. 31. Эта идея Плеханова получила поддержку у меньшевика Мартынова, который считал, что российский государственный феодализм сложился «на почве закабаления народа государством», причем само помещичье землевладение в России выросло не из вотчинного хозяйства, а из служилых отношений помещиков к государству. См.: Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП: Протоколы. М., 1959, с. 111.

¹⁸ Плеханов Г. В. Соч., т. 12, с. 408, 409.

ления о революционных возможностях деревни в антифеодальной борьбе за землю и волю. Правда, в 1905 г. под влиянием мощного подъема крестьянского движения Плеханов, как будет показано ниже, на время приблизился к правильному представлению об огромной роли первой социальной войны в деревне, т. е. борьбы всего крестьянства как класса — сословия старого, феодального общества против помещиков. Однако это был лишь кратковременный эпизод, ценность которого снижалась еще и тем, что Плеханов никогда не понимал до конца подлинной природы взаимоотношений между дворянством и самодержавным государством, разделяя теорию надклассовости или, точнее, «надсословности» романовской монархии, и твердо придерживался схемы: крестьянин — революционер по отношению к помещику и в то же время «охранитель» по отношению к царю и всему существующему строю, а значит, крайне ненадежный союзник рабочего класса. Недаром, подводя итоги революции, Плеханов писал, что глубоко ошибаются те, кто считает, будто «экономическое требование земли уже сделало из крестьянина политического единомышленника и надежного союзника пролетария»¹⁹.

С другой стороны, прекрасно уловив стремительный и необратимый процесс капиталистической эволюции российской экономики, Плеханов все же не представлял себе до конца его глубины и всеобъемлющего характера. После «Наших разногласий» он практически не возвращался к систематическому изучению состояния крупной промышленности в России, и в его литературном наследии не осталось никаких следов размышлений о роли финансового капитала и монополий, оказывавших в начале XX в. огромное влияние на всю экономическую жизнь нашей страны²⁰. В работах Плеханова конца XIX — начала XX в. мы не найдем данных ни о степени концентрации промышленного производства, ни о численности индустриальных рабочих, ни об изменениях в социальной структуре страны, которые произошли в пореформенный период. В итоге Плеханов не мог до конца представить себе, как далеко продвинулась Россия по пути капиталистического развития в 90-х — на-

¹⁹ Плеханов Г. В. Соч., т. 15, с. 439.

²⁰ О монополиях на Западе Плеханов писал уже в 1900—1904 гг. См.: Полянский Ф. Я. Указ. соч., с. 345—347.

чала 900-х годов и к каким важным социальным последствиям привели эти экономические сдвиги.

В свою очередь просчет в экономическом анализе мстил за себя серьезными политическими заблуждениями относительно возможности сотрудничества классов-антагонистов, пролетариата и буржуазии, на попрание борьбы с самодержавием. Между тем в условиях России начала XX в., где развитие капитализма, особенно в промышленности, достигло накануне революции неизмеримо более высокого уровня, чем в любой европейской стране в момент буржуазных революций XVIII—XIX вв., подобная «координация действий» рабочего класса и буржуазии, к которой призывал Плеханов, была уже невозможна. Несмотря на то что в 1905—1907 гг. пролетариат России еще не ставил перед собой задачи непосредственной борьбы за социализм, он вел в это время упорную борьбу не только с царизмом, но и с буржуазией, добываясь своеобразного «очищения» российского капитализма от наиболее грубых и варварских форм эксплуатации наемного труда, которые были типичны на Западе в эпоху «первоначального накопления», а в России сохранялись фактически вплоть до Октября 1917 г. Между тем эта сторона революционного процесса, не говоря уже о перспективе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, не нашла должного отражения в работах Плеханова, что значительно обедняло всю его концепцию.

Следует подчеркнуть, что плехановские формулировки по вопросу об уровне капиталистического развития России отличались противоречивостью и непоследовательностью. Так, в 1890 г. он считал, что в России уже восторжествовал капитализм²¹. Однако при составлении проекта программы РСДРП в 1902 г. Плеханов включил в его первоначальный вариант другую, более обтекаемую формулу: «В России капитализм все более и более становится преобладающим способом производства». Возражая Плеханову, Ленин написал: «Этого безусловно мало. Он уже стал преобладающим...»²². В ответ на это Плеханов заметил, что, по его мнению, «русский капитализм пока еще находится в совершенно другой стадии

развития», чем это представляется Ленину²³. Тем не менее под влиянием ленинской критики Плеханов, по крайней мере на словах, вернулся к своим прежним формулировкам, заявив в 1903 г. в комментарии к проекту программы РСДРП, опубликованному в «Заре», что «капиталистический способ производства и у нас уже сделался господствующим...»²⁴. Это положение и вошло в окончательный текст Программы партии, принятой на II съезде РСДРП, хотя сам Плеханов, очевидно, и не был до конца убежден в его правильности²⁵.

Существенной стороной взглядов Плеханова на экономическое и политическое развитие России был его тезис о наличии в ней значительных элементов «азиатчины», причем это понятие он распространял не только на самодержавный строй, напоминая ему восточные деспотии древности²⁶, но и на сохранявшуюся в стране общинную систему²⁷ и некоторые существенные элементы аграрных отношений (государственная собственность на землю)²⁸. Так, в годы революции Плеханов писал о «нашем старом, докапиталистическом — и в очень значительной степени — азиатском порядке», «государственно-экономической китайщине», «московском издании

²³ Литературное наследие Г. В. Плеханова: В 8-ми сб. М., 1934, сб. 1, с. 357.

²⁴ Плеханов Г. В. Соч., т. 12, с. 234.

²⁵ Из последних работ, в которых освещается дискуссия вокруг проекта первой Программы РСДРП, см.: Тарновский К. Н. 24 декабря 1900. М., 1977, с. 200—225; Ольховский Е. Р. В. И. Ленин и «Заря» Л., 1980, с. 113—146.

²⁶ Плеханов Г. В. Соч., т. 3, с. 74; т. 10, с. 154. Можно предположить, что отправной точкой для размышлений Плеханова о сходстве России с восточными деспотиями древности послужило известное место из «Анти-Дюринга» Энгельса, где говорилось о древних общинах как основе восточного деспотизма («от Индии до России») (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 186). Советский востоковед В. Н. Никифоров считает, что в 1853—1867 гг. Маркс и Энгельс придерживались гипотезы об азиатском способе производства, которую воспринял и Плеханов, но затем они отошли от этой точки зрения, и в 80-х годах Энгельс уже считал преобладающей формой угнетения в древних азиатских государствах рабство (см.: Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М., 1975, с. 113, 149). Высказывания Плеханова по данному вопросу проанализированы в статье Ю. З. Полевого «Г. В. Плеханов о восточном деспотизме» (Народы Азии и Африки, 1967, № 2).

²⁷ Плеханов Г. В. Соч., т. 3, с. 21; т. 4, с. 53; т. 9, с. 350; т. 12, с. 408.

²⁸ Плеханов Г. В. Соч., т. 3, с. 346; т. 15, с. 31, 33, 68.

²¹ Плеханов Г. В. Соч., т. 3, с. 240.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 233.

экономического порядка, лежавшего в основе всех великих восточных деспотий»²⁹, и т. п.

В этой связи следует отметить, что Ленин-публицист в ряде случаев тоже употреблял термины «азиатский», «азиатчина», как синонимы социальной рутины, отсталости, застоя. Напомним, как бичевал он в 1913 г. пережитки крепостничества в помещичьих хозяйствах Центральной России, восклицая: «Это по-старокитайски. Это по-турецки. Это по-крепостнически»³⁰. Очень интелесна и мысль Ленина, высказанная им в 1905 г. в «Двух тактиках социал-демократии в демократической революции»: революционные преобразования в России очистят почву «для широкого и быстрого, европейского, а не азиатского, развития капитализма...»³¹ — мысль, получившая дальнейшее развитие в более позднем ленинском тезисе о «демократическом» капитале европейского типа и капитале «октябристском», нашедшем пристанище в России и Азии³². Количество подобных параллелей и аналогий можно было бы умножить.

Однако наличие некоторых точек соприкосновения в плехановских и ленинских аналогиях между Россией и странами Востока не должно заслонять от нас принципиального различия в подходе Ленина и Плеханова к этим сюжетам. Для Плеханова Восток олицетворял собой только консервативное, реакционное начало и ассоциировался исключительно с примитивными докапиталистическими социально-экономическими отношениями. Ленин же видел не только как бы застывший в своей неподвижности колониальный Восток, но и Восток демократический, пробуждающийся, разбуженный русской революцией, подчеркивал, что есть не только азиатский феодализм, но и азиатский капитализм. Плеханов не просто сравнивал Россию с Востоком, но и доходил иногда чуть ли не до прямого отождествления их государственного и аграрного строя. Ленин, напротив, был очень осторожен в аналогиях между Россией и Востоком, неизменно отмечал их ограниченность и условность. Он никогда не делал из отдельных черт сходства России со странами Востока далеко идущих

выводов, определяющих стратегию и тактику российской социал-демократии, что было характерно для Плеханова. Разумеется, Плеханов тоже был далек от мысли видеть в России социально-политический организм, не имеющий ничего общего с Западом³³. Он не раз подчеркивал, что со времени Петра I в стране идет бурный процесс «европеизации» ее экономического, политического и социального строя, завершать который придется уже пролетариату³⁴. Однако первая российская революция, по мнению Плеханова, еще застала Россию в той переходной стадии, для которой было характерно переплетение «азиатских» и «европейских» элементов в ее социально-политической структуре, причем европейское начало олицетворяли пролетариат и буржуазия, а азиатское — крестьянство.

Эти общие представления об основных тенденциях развития исторического процесса в России наложили существенный отпечаток и на плехановскую концепцию российского самодержавия — «ужасного правительственного деспотизма», соединяющего в себе «дурные стороны печальной памяти западного абсолютизма со всеми ужасами восточного деспотизма»³⁵. При этом следует подчеркнуть, что Плеханов, отступая от марксистского учения о государстве, видел в восточном деспотизме не определенную форму диктатуры рабовладельцев или феодалов, а некую надклассовую и по существу внеформационную социальную организацию, увековечивающую строй патриархальных земледельческих общин и уравнивающую перед лицом своего верховного властелина всех его подданных. Нечто подобное было, по мнению Плеханова, и в России, где государство закрепостило все сословия, все общественные силы³⁶ и где даже крестьянская община возникла якобы как «естественный плод закрепощения государству земли и земледельца»³⁷. Таким образом, Плеханов приходил к совершенно

²⁹ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. 1, с. 418.

³⁰ Плеханов Г. В. Соч., т. 9, с. 350. Как отмечал еще кадетский историк А. А. Кизеветтер, Плеханов в общем и целом склонен был видеть в России не запаздывающую в своем развитии Европу, а европеизирующуюся Азию. См.: Голос минувшего, 1916, № 1, с. 330.

³¹ Плеханов Г. В. Соч., т. 9, с. 341.

³² Плеханов Г. В. Соч., т. 3, с. 75; т. 15, с. 33—34.

³³ Плеханов Г. В. Соч., т. 15, с. 34.

²⁹ Плеханов Г. В. Соч., т. 15, с. 284, 37, 31.

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 275.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 35.

³² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 13.

чуждому марксизму взглядов на государство как творца всего исторического процесса, усматривая в этом один из существенных моментов исторической общности между Россией и странами Востока.

Подобный взгляд на природу царского самодержавия, враждебного, по мнению Плеханова, всем классам русского общества, лег в основу плехановской концепции «общенациональной» буржуазной революции, ярким примером которой и были, с его точки зрения, события 1905—1907 гг. «...Историческим лейтмотивом нынешнего нашего освободительного движения,— писал он в 1906 г.— является не борьба пролетариата с буржуазией, предполагающая существование новейшего буржуазного общества, с соответствующими ему политическими учреждениями, а одновременная и в значительной степени совместная борьба классов, характеризующих собою это новейшее буржуазное общество, с разнородными пережитками старого порядка, выросшего на основе совсем иных экономических отношений»³⁸. При этом Плеханов подчеркивал, что, поскольку полный расцвет и пролетариата, и буржуазии возможен лишь при устранении всех остатков отжившего самодержавного строя, «интересы обоих классов не противоположны, а сходны между собою»³⁹.

Основную причину назревавшей в начале XX в. в России революции Плеханов видел в противоречии между капиталистическим базисом и феодальной по своей сущности политической надстройкой — самодержавным строем⁴⁰. Что касается противоречий, заложенных в самом экономическом базисе русского общества, т. е. в производственных отношениях, сложившихся к началу XX в. в сельском хозяйстве и промышленности, то о них Плеханов по существу ничего не говорил. Из его анализа предпосылок буржуазной революции в России фактически выпадал и острейший конфликт между процессом развития аграрного капитализма и средневековой системой земельной собственности, с одной стороны, и антагонизм между трудом и капиталом, придававший этой буржуазной революции совершенно новую окраску, не свойственную «классическим» революциям XVIII—XIX вв. на

Западе,— с другой. В итоге в плехановских оценках причин революционного взрыва 1905 г. всегда присутствовал элемент некоторой односторонности, недостаточно ясного понимания диалектики тех двух социальных войн, о которых писал применительно к этому периоду Ленин⁴¹.

С начала 60-х годов XIX в. в России стали назреть новые общественные потребности, которые самодержавие уже не в силах было удовлетворить, не переставая быть самодержавием,— к такому выводу Плеханов пришел еще в 1889 г.⁴² Он не раз отмечал факт полного разложения старой, патриархально-общинной хозяйственной основы, на которой веками держалась власть московских царей, и подчеркивал, что побуждаемый нуждой в деньгах царизм всеми силами содействует развитию капитализма и тем самым «копает себе яму». Плеханов образно даже называл Александра II царем буржуазии и говорил, что Александр III следует его примеру. Поскольку интересы всероссийского купечества не идут вразрез с интересами казны, замечал он, постольку министр финансов, как и все вообще русское правительство, является верным и заботливым слугой отечественной промышленности⁴³.

Однако эти публицистические гиперболы отнюдь не означали, что Плеханов считал российское самодержавие на рубеже двух веков буржуазной монархией. Недаром он так энергично восстал против попытки Рязанова рассматривать царизм как «продукт начатков капитализма», имеющий якобы уже двуединую социальную опору в лице дворянства и буржуазии⁴⁴. Нелишне напомнить здесь, что Плеханову принадлежит очень интересная мысль: государство много сделало, чтобы толкнуть Россию сначала на путь товарного, а потом и капиталистического производства, но то же самое государство стремится задержать страну на старом, докапиталистическом пути. «Об это противоречие,— делал вывод Плеханов,— и разобьется наше самодержавие, потому что оно пустило в ход такой хозяйственный двигатель, с каким ему необходимо придется столкнуться»⁴⁵. Как показали со-

⁴¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 283.

⁴² Плеханов Г. В. Соч., т. 3, с. 75.

⁴³ Там же, т. 9, с. 348; т. 3, с. 267.

⁴⁴ Там же, т. 12, с. 401, 402.

⁴⁵ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. М., 1958, т. 5, с. 117.

³⁸ Плеханов Г. В. Соч., т. 15, с. 249.

³⁹ Там же, с. 284.

⁴⁰ Там же, т. 12, с. 401.

ветские историки, это противоречие заключалось в том, что, насаждая капитализм и проводя политику своеобразной капиталистической «индустриализации» страны, чтобы сохранить позиции России как великой мировой державы, царизм в то же время консервировал полукрепостнические отношения в деревне и всячески «опекал» дворянское сословие, перераспределяя в его пользу значительную часть государственных доходов⁴⁶. Такая политика шла в конечном итоге вразрез с интересами буржуазного прогресса и ставила естественный предел процессу приспособления самодержавия к развивающимся капиталистическим отношениям, толкая буржуазию к оппозиции правительству, а народные массы — на путь революции⁴⁷.

Справедливо отрицая попытку изобразить царизм как буржуазную монархию, Плеханов тем не менее не раскрыл его классовую сущность как диктатуры крепостников-помещиков. Он видел в царизме самый крупный и самый вредный пережиток старого докапиталистического порядка, в основе которого лежало «закрепощение трудящейся массы высшим сословиям, государству или его главе»⁴⁸, причем и высшие сословия, по его мнению, тоже были скорее слугами, чем хозяевами сложной государственной машины, именуемой Российской империей. Отношения между государством и буржуазией рисовались Плеханову в следующем виде: царизм использует буржуазию и ее капиталы в своих финансовых целях, буржуазия использует царизм для укрепления своих экономических позиций и подавления пролетариата подобно тому, как всякий восходящий общественный класс всегда старается воспользоваться в своих целях политическими учреждениями, выросшими на почве старого общественного порядка, и вступает в конфликт с ними только тогда, когда достигает при помощи этих учреждений известной степени зрелости⁴⁹. При этом Плеханов подчеркивал, что соответствие между социальными от-

ношениями и облекающими их политическими формами устанавливается не сразу и в течение некоторого времени между ними могут существовать очень сильные противоречия, вызывающие революционные и оппозиционные течения⁵⁰.

Эти противоречия и привели к назреванию буржуазной революции в России, главными задачами которой, как подчеркивал Плеханов, были устранение самодержавия⁵¹ и приведение правовой надстройки в соответствие с экономическим базисом (в частности, революция должна была ликвидировать прикрепление крестьянина к земле, заставляющее его продавать свою рабочую силу на менее выгодных условиях, чем это происходит в демократическом буржуазном обществе)⁵². «Между экономией и правом у нас существует теперь глубокое противоречие, устранение которого должно быть первой великой победой нашего социалистического движения», — писал Плеханов в статье «„Ортодоксальное“ буквоедство»⁵³.

Таким образом, Плеханов выдвигал на первый план задачи политического переворота, осуществить который, по его убеждению, должны были все живые силы нации, т. е. пролетариат, буржуазия и интеллигенция, которым в первую очередь и мешал самодержавный строй. Что касается крестьянства, то оно, по мнению Плеханова и других меньшевиков, было заинтересовано лишь в земле, оставаясь совершенно индифферентным ко всему, что касалось политики, и ни в коем случае не посягая на власть царя. Иными словами, революционность крестьянства, как будет подробнее показано в главе об аграрно-крестьянском вопросе и аграрной программе РСДРП, выглядела в трактовке Плеханова только как стихийная и не осознанная до конца ненависть к помещикам, вполне уживавшаяся с наивным монархизмом.

Плеханов начисто снимал вопрос о наличии у крестьянских масс какой-либо положительной демократической программы, хотя поддержка крестьянством левых партий и те политические требования, которые звучали в крестьянских наказах и выступлениях крестьянских де-

⁴⁶ Гиндин И. Ф. В. И. Ленин об общественно-экономической структуре и политическом строе капиталистической России. — В кн.: В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970, с. 243, 244; Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861—1904. М., 1979.

⁴⁷ Гиндин И. Ф. Указ. соч., с. 300—308.

⁴⁸ Плеханов Г. В. Соч., т. 12, с. 399.

⁴⁹ Плеханов Г. В. Соч., т. 12, с. 401.

⁵⁰ Плеханов Г. В. Соч., т. 3, с. 233.

⁵¹ Там же, с. 386.

⁵² Там же, т. 12, с. 395, 396.

⁵³ Там же, с. 399.

путатов — трудовиков, неопровержимо свидетельствовали о том, что крестьянство боролось в 1905—1907 гг. не только за землю, но и за волю, за преобразование страны на демократических началах.

Плеханов не учитывал также того важного обстоятельства, что в условиях самодержавно-помещичьего строя требование земли тоже приобретало в конечном счете политическую окраску, ибо радикальное решение аграрного вопроса в России было возможно лишь при ликвидации самодержавия и его социальной опоры — помещиков. В итоге Плеханов приходил к глубоко ошибочному выводу, что партия пролетариата в борьбе с самодержавием должна ориентироваться не на союз с крестьянством, а на союз или по крайней мере на «координацию действий» с буржуазией и буржуазной интеллигенцией. При этом он обнаружил не только явное непонимание роли крестьянского вопроса в общественно-политической жизни России, но и допускал односторонний подход к оценке российского капитализма, непомерно возвеличивая его прогрессивную сторону. Отсюда вытекала и переоценка Плехановым потенциальных возможностей российской буржуазии в освободительном движении⁵⁴.

Плеханов оперировал абстрактными понятиями: буржуазная (заметим, он никогда не говорил: буржуазно-демократическая) революция, буржуазная демократия, буржуазная республика. При этом он пытался вывести стратегию и тактику российского пролетариата в 1905—1907 гг. из логической схемы, построенной на основе изучения буржуазных революций эпохи восходящего капитализма. Эта схема выглядела примерно так: ломается феодализм, утверждается капитализм, который прогрессивнее феодализма, поэтому в борьбе с этим последним пролетариат должен поддерживать буржуазию. Между тем суть дела состояла в том, в каких условиях происходит ломка феодализма, какие общественные силы ее осуществляют, какой тип капитализма утверждается на развалинах старого феодального строя, какая политическая надстройка приходит на смену абсолютной монархии.

Плеханов же даже не ставил вопроса о различных типах развития капитализма вообще и буржуазной аграрной эволюции в частности, о крестьянской буржуазной революции как особой разновидностью буржуазного общественного переворота и о крестьянской демократии как специфической форме буржуазной демократии, характерной в период империализма для крестьянских стран, где торгово-промышленная буржуазия уже отвернулась от революции, а деревенская мелкая буржуазия, напротив, еще сохранила свою революционность в борьбе с абсолютизмом и помещичьим строем⁵⁵. Как подчеркивал Ленин, Плеханов и меньшевики неизбежно сбивались на оппортунистическую поддержку либеральной буржуазии, ибо они не понимали ее контрреволюционности в крестьянской буржуазной революции⁵⁶, не могли оценить прогрессивности крестьянской мелкой буржуазии по сравнению с крупной и средней либеральной буржуазией и понять всю дальновидность большевистской тактики «левого блока», в основе которой лежала линия на союз пролетариата и крестьянства.

Отсюда вытекала и принципиальная разница в подходе Ленина и Плеханова к проблеме союзников рабочего класса сначала в демократической революции, а затем в борьбе за социализм. *«Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии»*⁵⁷, — так сформулировал Ленин стратегическую линию большевистской партии в русской революции. Плеханов и меньшевики, напротив, проповедовали тактику соглашения с либеральной буржуазией при нейтрализации колебаний крестьянства между революционностью и монархизмом, делали ставку на приход к власти буржуазии и длительную полосу мирного капиталистического развития,

⁵⁴ Подробнее см.: Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. 2-е изд. доп. М., 1976. Т. 1. Ленинские аграрные программы в трех русских революциях.

⁵⁵ Подробнее об этом см.: Анфимов А. М. В. И. Ленин о российском крестьянстве. — В кн.: В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России, с. 109—130.

⁵⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 334.

⁵⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 90.

в результате которого через ряд десятилетий превратившийся к тому времени в большинство населения пролетариат сможет осуществить социалистическую революцию, преодолевая сопротивление не только крупной буржуазии, но и крестьянства.

Вряд ли нужно доказывать, что первая линия двигателя революционный процесс вперед, а вторая объективно тормозила его; первая соединяла в общей борьбе подлинных союзников — рабочих и крестьян, вторая пыталась искусственно сплотить антагонистические классовые силы — пролетариат и буржуазию; первая базировалась на глубоком научном анализе конкретной российской действительности, вторая — на надуманных исторических аналогиях и абстрактных схемах; первая утверждала веру в огромные революционные возможности рабочего класса и крестьянства, вторая сеяла сомнения в способности пролетариата встать во главе народа и повести его на штурм старого строя.

Крупной заслугой Плеханова-марксиста был в свое время вывод о том, что вся дальнейшая эволюция России связана с самым передовым классом общества — пролетариатом⁵⁸, а жизненные интересы всемирной социал-демократии — с прогрессом русского рабочего движения⁵⁹. Плеханов неоднократно подчеркивал огромные революционные возможности рабочего класса, его решающую роль в борьбе за политическую свободу⁶⁰, образно называя пролетариат динамитом, который взорвет самодержавие⁶¹. Только пролетариат способен придать борьбе с абсолютизмом решительный оборот, писал он⁶², и только тогда эта борьба станет победоносной, когда идеи политической свободы проникнут в массу рабочего народа⁶³.

События 1905—1907 гг. блестяще подтвердили эти высокие оценки революционного потенциала российского пролетариата. Однако Плеханов и здесь остановился на полпути: признав рабочий класс главной движущей силой буржуазной революции в России, он так и не уви-

⁵⁸ Плеханов Г. В. Соч., т. 9, с. 350.

⁵⁹ Там же, с. 349.

⁶⁰ Там же, т. 3, с. 13, 16, 28, 55, 78; т. 9, с. 350; т. 13, с. 182, 203; т. 15, с. 298.

⁶¹ Плеханов Г. В. Соч., т. 3, с. 205.

⁶² Там же, с. 79.

⁶³ Там же, с. 367.

дел в нем вождя многомиллионных крестьянских масс, вождя всенародной борьбы против самодержавного строя, гегемона революции. Ниже мы подробно рассмотрим, как решал Плеханов в годы революции коренной стратегический вопрос: гегемония пролетариата или гегемония либеральной буржуазии? Здесь же отметим, что Плеханов по существу ушел от ясного ответа на него, рассматривая гегемонию пролетариата в общем и целом лишь как возможность, так и не превратившуюся в 1905—1907 гг. в действительность.

Правда, Плеханов никогда не опускался до признания желательности гегемонии либеральной буржуазии в освободительном движении, как это делали многие меньшевики. Не его неверие в способность пролетариата повести за собой крестьянские массы, сомнения в силах социал-демократии, отрицание большевистской тактики «левого блока» и призывы к соглашениям с кадетами объективно разоружали пролетариат в борьбе с буржуазией и помогали либералам сеять конституционные иллюзии.

Подведем некоторые итоги. В работах Плеханова можно найти немало верных, интересных и глубоких мыслей, раскрывающих предпосылки первой народной революции в России. Однако он не сумел подняться до подлинных высот научного марксистского анализа тех глубинных социально-экономических процессов, которые привели к этому важнейшему событию мировой истории первых лет XX в. Такой интереснейший и сложнейший феномен, как революция 1905—1907 гг. в России, требовал от теоретиков пролетариата особенно глубокого, всестороннего и, главное, творческого подхода. Поздняя буржуазная революция, происходившая уже после победы в России капиталистического способа производства и после вступления мирового, в том числе и российского, капитализма в свою высшую, империалистическую стадию, неизбежно должна была стать революцией нового типа, неизвестного ранее в истории. Это хорошо понимал Ленин и лучшие представители революционной марксистской мысли II Интернационала, прежде всего Роза Люксембург.

Плеханов, напротив, тяготел к традиционному, верному для европейских революций XIX в., но уже явно недостаточному применительно к первой народной революции периода империализма, методу осмысления основ-

ных закономерностей революционного процесса. Слабость экономического анализа российского капитализма и многообразных социальных противоречий, неумолимо толкавших страну к революции, непонимание настоящей необходимости выйти за пределы некоторых устоявшихся и казавшихся до 1905 г. бесспорными теоретических положений, господствовавших в партиях II Интернационала, обусловили неудачу Плеханова как политика в 1905—1907 гг. Уверовав в свою непогрешимость, Плеханов по существу стоял в области теории на месте, безнадежно отставая от бурного потока революционных событий. Ряд серьезных просчетов в анализе предпосылок революции и прежде всего недооценка степени капиталистического развития страны, с одной стороны, и живучести крепостнических пережитков в деревне — с другой, привели Плеханова к неверному решению вопроса о движущих силах революции, преувеличению оппозиционных потенций буржуазии, явному умалению роли крестьянства, неверию в реальность гегемонии пролетариата в освободительном движении.

В последующих главах мы рассмотрим, как развивались взгляды Плеханова по наиболее важным вопросам, выдвинутым на повестку дня буржуазно-демократической революцией 1905—1907 гг., как происходило своеобразное «выветривание» его марксистского мировоззрения, как оппортунист брал в нем верх над революционером. И рассмотрение этого комплекса вопросов мы начнем с одной из важнейших политических проблем, во весь рост вставших перед рабочим классом и его марксистским авангардом в годы революции, — проблемы гегемонии пролетариата.